

Гностические аспекты нагуализма

В.П. Графский

E-mail: psy-centr@narod.ru

(Получена 2 декабря 2004; опубликована 2 декабря 2004)

Сразу оговорюсь, что сначала собирался писать совершенно по другому поводу, но поделиться некоторыми соображениями о нагуализме мне показалось более важным. Поэтому, излагаемое ниже является лишь гипотезой, тезисы которой не будут пока подкреплены убедительными ссылками и доводами, возможно, это будет сделано позже. Пока же перейду к сути дела.

Начну с главного в подходе к феномену нагуализма и его соотношению с квантовой магией. И первое, с чем надо разобраться – это достоверность учения дон Хуана, изложенного в книгах Карлоса Кастанеды. Сейчас существует два взгляда на этот вопрос. Первый – творчество Кастанеды это просто художественная литература, воспринимаемая либо как высокая экзистенциальная поэтика (как это отражено в некоторых эссе другого около эзотерического писателя В. Пелевина), либо как удачная мистификация (журналист Р. Де Миль).

Второй подход – это безоговорочное признание всего изложенного, его апологетика и дальнейшее творческое развитие (А. Ксендзюк, В. Санчес, Н. Классен и др.).

Первая точка зрения подкрепляется тем, что никаких достоверных фактических и исторических подтверждений, кроме самих книг у Кастанеды и его последователей нет. У вторых главная аргументация заключается в том, что все разбросанные по страницам книг Кастанеды практики действенны – они работают и дают реальный результат.

Но возможен и третий подход, объединяющий два первых. Действительно, адресация учения индейца племени Яки Хуана Матуса к древнему Знанию Толтеков является литературной мистификацией, с чем согласится любой этнолог, непосредственно занимающийся мезоамериканскими Традициями на профессиональном уровне. Вместе с тем, Карлос Кастанеда является не просто американским писателем, успешно использовавшим в своем художественном творчестве свои же этнографические наработки, но он действительно настоящий Маг, излагающий целостную, метафизически завораживающую концепцию Реальности и приоткрывающий завесу тайны над некоторыми очень эффективными, а потому и столь же опасными (если они начинают работать) практиками. Каковы же источники, по каким каналам Кастанеда получил эту информацию? И здесь мы возвращаемся еще к одной группе исследователей творчества американского писателя-мага, которых можно отнести к группе верующих в истинность учения дон Хуана, но только со знаком минус. В этом случае Кастанеде приписывается «сатанинский» аспект, а его практики объявляются «черномагическими» (В. Терентьев-Странник). Нет нужды говорить, что столь однозначная оценка дается скорее с позиций ортодоксальных религиозных позиций (в нашей стране с позиций Православия), хотя и всевозможные само провозглашенные «шаманы» и «черные маги» не чужаются своего родства с «толтекским знанием» и охотно признают его эффективность (в скобках замечу, что и психологи с «экзистенциальным» и «трансцендентальным» уклоном тоже любят ссылаться на Кастанеду в своих работах).

В чем же отличие от всех этих позиций предлагаемого здесь подхода? В том, что Кастанеда действительно предложил очень интересную и внутренне непротиворечивую магическую систему мироустройства, которая непрерывно передавалась и разрабатывалась несколькими поколениями реально действующих магов-практиков, откуда и следует оригинальность (что впрочем, весьма спорно) и действенность всех предложенных Кастанедой как общих концепций, так и конкретных практик. Только корни этой линии магов уходят не в глубокую архаику исчезнувших ныне американских цивилизаций, а в менее древнюю, но от этого не менее интересную западноевропейскую гностическую Традицию. Как уже сказано выше, я пока не буду утруждать себя аргументацией в пользу этого, напомним только о принципе действия бритвы Оккама не прибегать к сверхдостаточным толкованиям феномена кастанедовской магической системы, вполне укладывающейся в рамки современной западноевропейской магической школы. Людям, мало интересующимся этим вопросом, может показаться, что таковой не существует, а есть лишь масса литературных домыслов и курьезов, напроць сметенных победным шествием ее Величества Науки, начиная от естествознателей-энциклопедистов эпохи Просвещения и кончая философами-позитивистами Нового и Новейшего Времени. Однако гностическая, магическая Традиция никогда не умирала, она всегда продолжала латентно присутствовать и развиваться вместе с общим мейнстримом западноевропейской цивилизации, будучи лишь вытесненной из общепринятого мировоззрения на периферию коллективного бессознательного. Впрочем, иногда (особенно в критические времена) всплывая достаточно близко к поверхности – как это было в раннем Ренессансе (Фичино, Пико де Мирандола, Бруно), так и в не столь отдаленные времена - достаточно вспомнить Теософское движение мадам Блаватской, или бурную деятельность всевозможных западноевропейских Орденов розенкрейцерского и иллюминатского типа конца XIX-начала XX веков. Тома той же Блаватской, Папюса и прочих и сейчас остаются востребованными, несмотря на их «нафталиновый» позитивистский настрой, характерный умонастроениям тех времен. Самой яркой фигурой в этом плане является Алистер Кроули, подошедший к развитию Магии как истинный художник, а не как ученый-педант и предоставивший публике учение Телемы. По своей талантливости и магичности Кастанеда с ним вполне сопоставим, за одним исключением - если Кроули по традиции продолжал рядить западноевропейскую магическую Традицию в древнеегипетские и вавилонские тоги, то Кастанеда пошел на пошив нового пред-апарте и устроил дефиле в духе психоделических кислотно-этнических настроений американских шестидесятников. Если же отбросить кабалистическое обрамление учение Великого Зверя Кроули, эпатировавшего публику своей любовью к некоторым апокалиптическим символам, и толтекский скепсис дон Хуана по отношению к трансцендентальной примитивности бледнолицых братьев, то между учением Телемы и учением индейца Яки в процентном содержании противоречий и сходства будет примерно столько же, сколько их есть между авраамистскими и мезоамериканскими аутентичными историческими Традициями. Возможно, схожи и источники знаний обоих маэстро – краеугольный камень телемизма «Книгу Закона» Кроули получил в виде откровения от некоего духа Айваса, вполне подходящего под союзника-неорганика. Подобными источниками материалов для своих книг мог пользоваться и Кастанеда. Кстати, и тот и другой авторы активно использовали в своих творческих поисках психоактивные вещества – Кроули - опиум, Кастанеда - пейот. Оба особую значимость придавали искусству Сновидения и прочим техникам индуцирующим ИСС. Так что, вполне возможно, что дон Хуан и дон Хенаро проживали не в пыльной Соноре, а в параллельных мирах западного постмодернистского дискурса, куда попадал Кастанеда, «сдвигая» свою точку сборки.

Отсюда можно сделать следующие выводы – не надо воспринимать нагвализм как нечто принципиально новое в нашей культуре – эти магические паттерны поведения и

мировосприятия вполне укладываются в рамки современной западной идеалистической философии, изменилась лишь внешняя атрибутика. Актуальны же они потому, что являются не некой догмой неких Древних Видящих (прописаны ли они в Андах или на Альпах), а творческим их развитием, возвращающим нас к исходному магическому восприятию действительности. Ведь это только в учебниках по истории и философии есть жесткое деление на эпохи магического, мифического, религиозного, научного и прочих видов мышления. Сменяя друг друга, они не исчезают вообще, а только лишь вытесняются на периферию человеческого сознания (можно сказать, используя юнгианскую терминологию, в коллективное бессознательное), где продолжают ждать своего часа. Магическое мышление, как и положено эзотерическому - тайному знанию, продолжает в тени украдкой следовать за развитием общепринятого мейнстрима человеческой мысли. Поэтому сходство идей нагвализма и квантовой теории, пересечение некоторых их понятий – следствие параллельного движения строгого научного мышления и творческого художественного, к которому и относится все магическое. В этом плане показательны и дальнейшие метаморфозы открыто декларирующей свою преемственность в западном герметизме основной наследницы телемизма – магии Хаоса, успешно интегрировавшей идеи научной теории Хаоса и синергетики в свой арсенал. По своей сути одним из течений магии Хаоса является и нагвализм. И в этой его современности и содержится его актуальность, это еще одно из зеркал, в которое может посмотреться человеческое сознание и оценить свой нынешний «внешний вид» в таком вот немного отстраненном толтекском ракурсе.

Что же касается предложенную С.И. Дорониным модель сопоставления эффективности действия «Христианского эгрегора» с идеями нагвализма, то в этом плане соглашусь с А.П. Ксендзюком – это, прежде всего, «разносистемные» понятия (как, например, такие понятия как наука и религия), и они имеют «эгрегоры» с диаметрально противоположными векторами направления, разнозарядность, разнонаправленность которых заключается в том, что одно несет идею вечной и незыблемой Традиции, данной в виде Откровения от Бога, а вторая заряд здорового скепсиса и революционного запала всех гностических учений, борющихся с парадигмой Традиции. Они не хуже и не лучше друг друга, они просто разные. Своими качествами, перечисленными Дорониным, нагвализм идеологически ближе к науке, что и нашло свое достойное отражение в его интерпретации, изложенной в книгах Ксендзюка. С другой стороны книги Карлоса Кастанеды на примере неведомого тайного учения мексиканских шаманов в очень поэтичной и драматичной форме передают сам дух поиска нового, свойственный человеческой натуре с ее неутолимой жаждой преодоления всевозможных рамок и преград в стремлении шагнуть в Бесконечность к трансцендентной Свободе.